

Никольск-Уссурийское реальное училище в годы революции и Гражданской войны (1917—1922)

Ольга Борисовна Лынша,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры исторического образования
Школы педагогики ДВФУ, Уссурийск.
E-mail: olynsha@mail.ru

Статья об истории Никольск-Уссурийского реального училища в годы революции и Гражданской войны. На примере учебного заведения рассмотрены основные проблемы, которые испытывало народное образование Приморья в 1917—1922 гг.

Ключевые слова: реальное училище, Гражданская война, Приморье, педагогические кадры, Закон Божий, плата за обучение, мобилизация.

Nikolsk-Ussuriysk technical high school during the Revolution and the Civil War (1917—1922).

Olga B. Lynsha, Cand. Sc. (History), School of pedagogics, Far Eastern Federal University, Ussuriysk.

The article deals with the history of the Nikolsk-Ussuriysk technical high school in the time of the revolution and civil war in the Primorie in 1917—1922.

Describing the Nikolsk-Ussuriysk technical high school the author shows the difficulties which the pedagogical cadres met in the time of the revolution and civil war.

Key words: technical high school, civil war, Primorye, pedagogical cadres, the Law of God, tuition fees, mobilization.

Период 1917—1922 гг. на Дальнем Востоке достаточно хорошо изучен в контексте политической борьбы за власть. В многочисленных научных работах исследуются расстановка социальных сил, история политических партий, борьба идеологий, переход власти от одной группировки к другой, вплоть до установления советской государственности в 1922 г. При этом социальная сфера в период гражданской войны находилась в состоянии упадка. Особенно это относится к народному образованию, так как война и школа — понятия несовместимые.

В дальневосточной историографии есть несколько работ, где в пространной или краткой редакции рассматривается политика советского государства и дальневосточных органов власти в области народного просвещения [3]. Благодаря этим исследованиям можно в целом представить процесс реформирования народного образования под влиянием смены общественного строя. Проблема состоит в том, в какой степени рефор-

мы затронули учебные заведения Приморья. Опыт выживания учебных заведений в условиях политической нестабильности и тяжелейшего экономического кризиса в годы Гражданской войны остаётся «белым пятном» в истории школы.

История Никольск-Уссурийского реального училища в 1917—1922 гг. представляет собой уникальный пример стойкости существования среднего учебного заведения вопреки всем сложностям драматической эпохи перемен. Ценными источниками по данной теме располагает Уссурийский городской архив, в котором есть 105-й фонд — «Никольск-Уссурийское реальное училище». Здесь хранятся протоколы заседаний педагогического совета за 1917—1922 гг., несколько личных дел преподавателей и некоторые другие документы (по другим никольским учебным заведениям такой подборки не сохранилось). Эти источники позволяют восстановить основную канву событий в последние пять лет существования реального училища.

Никольск-Уссурийское реальное училище было открыто в 1906 г. и являлось первым в городе средним учебным заведением для мальчиков. Училище получило в 1913 г. в своё распоряжение прекрасное здание, пополнялось преподавателями из числа выпускников столичных университетов, имело стабильное финансовое обеспечение из государственной казны. Первые выпускники 1912 г. отправились на учёбу в столичные технические вузы. Всё это в одночасье рухнуло, и с 1917 г. училище оказалось брошенным в самостоятельное плавание по бурным волнам Гражданской войны.

Революционные потрясения весны 1917 г. вызвали отклик среди учащихся. Иннокентий Козлов, восемнадцатилетний юноша, ученик 6 класса, писал 20 марта 1917 г. в Петроград известному учёному-ботанику В.Л. Комарову: «Многоуважаемый Владимир Леонтьевич! Поздравляю Вас с гражданством Свободной России. Радость свою, по случаю такого радостного момента, нельзя даже выразить на бумаге. Чувствуешь себя теперь лёгким как перинка; упало сразу с плеч несколько тысяч пудов. Теперь с большой энергией жаждешь одолеть какие угодно трудности, работу на пользу дорогой, горячо любимой Матушки Руси. Все жители, населяющие наш край, также ликуют и ведут себя с достоинством» [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 741. Л. 10].

Летом в педагогическом коллективе произошли перемены. 1 июля директор училища В.С. Пулезо согласно прошению вышел в отставку [УГА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 14. Л. 125]. Впервые нового руководителя выбирал педагогический коллектив, тогда как раньше директора назначало Министерство просвещения. В училище прошли выборы, в которых предпочтение было отдано преподавателю истории Михаилу Ивановичу Знаменскому, пользовавшемуся большим уважением и авторитетом у преподавателей и учащихся. Занимать эту должность ему не хотелось, но он всё-таки согласился «...единственно из-за того, чтобы не попал кто-нибудь из посторонних» [Там же. Д. 4. Л. 9]. М.И. Знаменский руководил училищем в самый сложный период его существования с июля

1917 г. по 1 января 1923 г. Руководящим органом стал Школьный совет во главе с председателем М.И. Знаменским.

В августе 1917 г. из училища уволилось сразу несколько преподавателей: А.А. Архангельский, С.И. Маркевич и А.Р. Редлих (перешёл на работу во Владивостокское коммерческое училище) [Там же. Л. 13 об]. На вакантные места пришли преподаватели математики и естествознания: Иосиф Мечиславович Смолич, выпускник физико-математического факультета Петроградского университета, Лев Павлович Сольский, выпускник Киевского университета, Эдуард Александрович Минцер, выпускник физико-математического отделения Юрьевского университета. Преподавателями немецкого языка стали Юлия Ивановна Савари, работавшая ранее в Читинском коммерческом училище, и Елена Карловна Калнынь [Там же. Л. 2]. Калнынь преподавала в Никольск-Уссурийской женской гимназии и с 1907 г. по совместительству вела уроки немецкого языка в реальном училище. Елена Карловна была единственной женщиной-педагогом в дореволюционный период истории этого учебного заведения. С 1 сентября 1917 г. она перешла на постоянную работу в реальное училище.

Осенью 1917 г. занятия начались, как обычно, в сентябре. 14 сентября футбольная команда реалистов сыграла против 1-й команды кружка спортсменов. Ученики 7-го класса в конце месяца съездили на экскурсию на станцию Кипарисово, где осмотрели местные заводы, а затем побывали во Владивостоке. Экскурсия продолжалась три дня.

Перемены в привычном течении школьной жизни всё-таки были: упразднялись отметки, они заменялись словами «успешно», «неуспешно» (в ноябре 1918 г. вновь вернулись к балльной системе оценок). На педагогическом совете было решено, что «на время войны форма для учеников необязательна, но, чтобы ученики одевались прилично». Для отличия реалистов от прочих учеников им вменялось в обязанность «...носить однообразный для данного учебного заведения знак на головном уборе, фуражке». Общая молитва перед уроками сохранялась, но «принуждения ходить на неё быть не должно» [Там же. Л. 10, 24].

Октябрьскую революцию 1917 г. большинство педагогов Никольска-Уссурийского не приняли. 15 ноября 1917 г. состоялось общее собрание учителей всех учебных заведений города, на котором приняли резолюцию «...о непризнании правительства большевиков и борьбе с ним вплоть до политической забастовки».

Как известно, III Дальневосточный краевой съезд Советов, проходивший в декабре в Хабаровске, провозгласил установление советской власти на Дальнем Востоке. Был создан Комиссариат народного просвещения, на который было возложено руководство школьным делом в крае.

Педагогический коллектив реального училища в условиях стремительно развивавшихся событий в стране и крае пытался сохранить в стенах учебного заведения политический нейтралитет, оставаться «над схваткой». Но это было уже невозможно. В России начиналось острое

социальное противостояние, и ученики реального училища сразу обозначили свою политическую позицию — они были противниками большевистской власти.

22 февраля 1918 г. выпускной 7-й класс, молодые люди 17—18 лет, заявили преподавателю математики И.М. Смоличу, что «класс не желает вести с ним занятия ввиду того, что он сторонник большевизма... Мы, как верные сыны России, не желаем иметь вас преподавателем» [Там же. Л. 54 об.]. Впервые в истории училища проявилось такое противостояние между учащимися и преподавателем. Экстренное заседание педагогического совета, проведённое с целью убедить учеников возобновить занятия, вынесло постановление: «В свободной русской школе недопустимо насилие над человеческой личностью, в особенности с подкладкой политического характера. Ученики и учителя не должны навязывать друг другу своих политических убеждений» [Там же. Л. 53 об.]. Переговоры с учениками не привели к примирению сторон. Реалисты заявили, что И.М. Смолич «делает попытки распропагандировать их в большевистском духе и одобрительно отзываясь о действиях большевиков». Учителя в классе встречали пением гимна «Боже, царя храни» и лозунгами на классной доске: «Долой большевиков! Да здравствует контрреволюция!» Ученики 7-го класса стали вести себя дерзко и с другими преподавателями. Учителя П.В. Николина, убеждённого монархиста, отправленного для переговоров, встретили «очень непочтительно — свистели, топали ногами, а один ученик потрясал над головой револьвером». 25 февраля впервые в истории учебного заведения было принято решение: произвести досрочный выпуск учеников 7-го класса, «считаясь с создавшейся напряжённой политической атмосферой» [Там же. Л. 56 об.].

Однако восстановить порядок в училище не удалось. Ученики 4-го класса написали заявление, что они отказываются ходить на занятия к Смоличу. Общее собрание родителей 24 марта 1918 г. приняло решение «о нежелательности деятельности Смолича в училище вследствие его конфликтов с учениками». И.М. Смолич заявил, что намерен уехать из Никольска-Уссурийского «в Варшаву или Россию», и уволился [Там же. Л. 58.]. Политические симпатии педагога подтвердились — в марте 1918 г. постановлением Никольск-Уссурийского Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Иосиф Смолич был назначен комиссаром по национализации банков в городе и уезде [Там же. Д. 3. Л. 54, 59.].

Весной-летом 1918 г. школьным советом реального училища были получены распоряжения краевого комиссариата просвещения о введении нового правописания, об отделении школы от церкви и упразднении должности законоучителей, об исключении из программ занятий уроков Закона Божьего, об отмене платы за обучение. Как увидим далее, только первое распоряжение получило своё практическое воплощение, остальные оказались нереализованными.

В трудные годы Гражданской войны в стране проходила реформа русского правописания. Отношение к ней в училище было в целом положительным: «Новая орфография научно вполне обоснована и отвечает давно

назревшей нужде облегчения учащимися усвоения правописания. Педагогический совет решительно высказывается (против — один голос преподавателя словесности Щелкина) за оставление новой орфографии». В младших классах писали по новым правилам, старшеклассникам было предоставлено право писать по-старому. Ученики почувствовали «громное облегчение» от изъятия йотированного *e*, «постоянно дававшего большое число ошибок», произошло также некоторое ускорение письма без употребления твёрдого знака в конце слов, оканчивающихся на согласную [Там же. Д. 7. Л. 3 об.].

В марте 1918 г. городской Совет довёл до руководства училища декрет об отделении преподавания религиозных вероучений во всех учебных заведениях, должности законоучителей (преподавателей Закона Божьего) упразднились. Педагогический совет реального училища в ответ на это вынес постановление: «В училищной церкви церковные богослужения совершаются для прихожан вообще, а не специально для учеников». Законоучитель Константин Цивилев был оставлен в штате [Там же. Л. 62]. В мае на заседании педагогического совета вновь поднимался вопрос о преподавании Закона Божьего. До училища дошли слухи, что «нынешняя власть намерена неукоснительно проводить в отношении законоучителей приказ № 33 и угрожает судебными взысканиями лицам, ответственным за уклонение от него». Было решено в следующем учебном году по соглашению с родителями оплачивать преподавание Закона Божьего из особых сумм или из платы за учение [Там же. Д. 3. Л. 74 об. — 75].

К осени 1918 г. политическая ситуация коренным образом изменилась — Советы были свергнуты. 1 сентября 1918 г. в честь начала учебного года, как и в предыдущие годы, отслужен молебен, со 2 сентября начались занятия. Закон Божий «как основа религии и источник нравственности» снова входит в курс всех начальных и средних учебных заведений. Правда, Министерство просвещения Сибирского правительства делало оговорку, что «изучение Закона Божьего обязательно для всех православного вероисповедания, пока таковые не оставили православия в порядке закона 10 августа 1918 г. о свободе совести» [ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 343. Л. 62].

Осенью 1918 г. часть учеников находилась «в разных отрядах, действующих против большевиков». Школьный совет вновь принял решение, что «учебное дело должно идти вне политики и партий» и обратился к родителям отсутствующих учеников с просьбой воздействовать на них и вернуть в учебное заведение. В противном случае их обещали отчислить [УГА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 15 об.]. В октябре в училище вернулись ученики-фронтовики, состоявшие в отряде Калмыкова. Они просили об отсрочке переэкзаменовок. Педагогический совет пошёл им навстречу. Так, в среде реалистов появились молодые люди, получившие жестокий опыт участия в Гражданской войне на стороне кровавого атамана Калмыкова.

Как и все учебные заведения города, реальное училище с 1917 г. стало испытывать финансовые затруднения. Отсутствие централизованного финансирования привело к тому, что с весны 1918 г. училище перехо-

дит с государственного бюджета на городской. Это сразу же отразилось на выдаче жалованья преподавателям и на содержании здания училища. Нерегулярная выплата мизерной зарплаты стала носить систематический характер. В августе 1918 г. Никольск-Уссурийская управа отказала в прибавочном жалованье преподавателям училища, так как в городской кассе был «недостаток средств, вследствие расходов города на войска чехословаков» [Там же. Д. 4. Л. 2 об.]. В сложившейся ситуации школьный совет принял решение поднять плату за обучение в 1918/19 учеб. году с 60 руб. до 100. В условиях нестабильного финансового обеспечения учебного заведения со стороны властей плата за обучение являлась единственным постоянным источником пополнения бюджета училища в течение всего периода Гражданской войны. Значение этого финансового источника было очевидно уже весной 1918 г., когда советские власти попытались отменить его.

В октябре 1918 г. во Владивосток направилась депутация преподавателей средних учебных заведений Никольска-Уссурийского (реального училища, мужской и женской гимназий) с требованием увеличения жалованья. Депутация сделала доклад П.В. Вологодскому, председателю Совета министров Сибирского правительства. Он заверил педагогов, что они имеют право «на выписку жалованья по новым штатам» [Там же. Д. 6. Л. 30]. Конечно, встреча с заезжим политиком материального положения не поправила. В ноябре Учебный отдел городской управы Никольска-Уссурийского постановил освободить 10% учеников от платы за обучение, а 10% её уменьшить; кроме того, освобождались от платы дети преподавателей и священников, которых было 12 чел. [Там же. Л. 41, 45]. Весной 1919 г. школьный двор превратили в огород, где преподаватели училища выращивали овощи. Несмотря на тяжелейшее материальное положение, педагогический совет вынес 4 июля 1919 г. постановление: «В связи с исполняющейся 5 июля годовщиной освобождения г. Никольска-Уссурийского от большевиков доблестными чехословаками в ознаменование этого события совместно с представителями от родителей постановлено: на памятник павшим чехословакам отчислить из специальных средств училища 500 руб.» [Там же. Л. 98 об.].

В июле 1919 г. плату за обучение подняли до 200 руб. в год. Жалованье учителей с 3700 руб. летом 1918 г. возросло до 14 500 руб. весной 1919 г. Бесплатные квартиры при училище стали большим благом для преподавателей (оплачивалось только их освещение и уборка). Плата за обучение поднялась в начале 1920 г. до 500 руб., при этом 32% учеников было освобождено от неё [Там же. Д. 6. Л. 3 об., 41, 42 об.].

В годы Гражданской войны в училище резко упала дисциплина, чего в дореволюционные годы не наблюдалось. На уроках стоял шум, ученики грубили педагогам и демонстративно не выполняли их требований. Протоколы заседаний педагогического совета полны жалоб преподавателей на дерзкие выходки учеников. В отношении нарушителей школьной дисциплины применялись различные меры воздействия: отстранение от уроков, объяснения с руководством училища и как крайняя мера — исключение.

В марте 1919 г. была объявлена мобилизация интеллигенции в армию. В число «интеллигенции» включались ученики старших классов средних учебных заведений; так, впервые в армию призывались воспитанники реального училища. Если учесть, что некоторые из них уже сражались «в отрядах против большевиков», то объявленный призыв на службу не являлся для молодых людей чем-то неожиданным. Мобилизованным ученикам 6-го класса выдали аттестаты. На военную службу отправились 11 чел. из 5—6-х классов (все они достигли 18 лет). В Никольске-Уссурийском была создана Комиссия по призыву и учёту интеллигенции, которая временно освободила учеников 7-го класса реального училища и 8-го класса мужской гимназии от мобилизации до окончания учебного года. Однако 7-й класс заявил о желании досрочно выпуститься, «чтобы ученикам призывного возраста имелась возможность определиться в части войск». С мнением выпускников согласились их родители. В конце марта 1919 г. 13 учеников, среди которых оказались наиболее злостные нарушители дисциплины, отправились добровольцами в колчаковскую армию. На военную службу также призвали преподавателей: С.И. Жеребцова, Д.П. Седова, А.С. Школенко, И.М. Зверева [Там же. Л. 76—81, 85]. Позднее Жеребцов, Седов и Зверев вернутся в училище.

Осенью 1919 г. колчаковские власти попытались реквизировать здание под военный госпиталь. Во Владивосток педагогический совет училища срочно направил Н.В. Щелкина. Он должен был попасть на приём к главному начальнику края, колчаковскому наместнику на Дальнем Востоке генералу С.Н. Розанову, но педагогу не удалось сделать этого. Тогда Щёлкин отправил телеграмму в Омск, в правительство о сложившейся ситуации [Там же. Л. 22 об.]. Училище удалось отстоять.

В декабре 1919 г. накануне краха колчаковщины вновь объявили мобилизацию, на этот раз призывали учеников 7-го класса. Педагогический совет ходатайствовал перед начальником Никольского гарнизона о предоставлении призывникам отсрочки до конца учебного года [Там же. Д. 7. Л. 45 об.]. Смена власти в Приморье в январе 1920 г. позволила ученикам 7-го класса продолжить занятия. Но в феврале 1920 г. они сами стали просить руководство училища о досрочном выпуске. Главной причиной желания поскорее покинуть стены учебного заведения стала «дороговизна жизни на квартирах, за которые приходилось платить до 4000 руб. в месяц». Педагогический совет принимает решение распустить учеников 7-го класса с 15 по 20 марта [Там же. Л. 58 об.].

В течение 1917—1922 гг. в училище был постоянный кадровый дефицит. Из-за тяжёлых условий службы, мизерной зарплаты преподаватели покидали реальное училище. Пополнение педагогов чаще всего происходило за счёт демобилизованных офицеров. Выпускник Петроградского университета 1915 г. Иван Михайлович Зверев, как и многие молодые люди его поколения, был призван на военную службу. После демобилизации в феврале 1918 г. он оказался на Дальнем Востоке, и в июле 1918 г. был принят учителем математики в реальное училище [Там же. Д. 12. Л. 94—95].

Неожиданным резервом педагогических сил в 1919—1920 гг. стали военнопленные, хотя поначалу они получали отказ. Например, в ноябре 1918 г. немцу Флейгу, имевшему звание учителя, было отказано в должности преподавателя английского языка, поскольку «приглашать на государственную службу военнопленных недопустимо» [Там же. Д. 6. Л. 41]. В январе 1919 г. преподавателем английского и немецкого языков стал Михель Вайс, работавший в Германии школьным учителем. Ему даже разрешили жить в здании училища, поскольку проживание в казарме «плохо отражалось на учебной работе» [Там же. Л. 61]. Вайс сумел «...поднять среди учеников интерес к своему предмету, ученики брали у него частные уроки» [Там же. Д. 7. Л. 2]. М. Вайс покинул реальное училище 1 апреля 1920 г. «...в связи с отправкой на Родину чехословацким командованием». Перед отъездом он попросил у руководства училища отзыв (характеристику) о годовом периоде работы. Это свидетельствовало о том, что бывший военнопленный ценил свой педагогический опыт в России и надеялся использовать его на родине [Там же. Л. 72 об.]

В феврале 1920 г. ещё два пленных офицера получили места учителей: физики и математики — П.И. Дианишек, выпускник университета в Клаузенбурге (Венгрия), английского языка — Ганс Теплеи [Там же. Л. 58, 63 об.]. В это же время был вынужден покинуть училище преподаватель математики Э.А. Минцер (в декабре 1919 г. — у него умерла жена, и он остался один с четырьмя маленькими детьми). На его место был принят в марте 1920 г. Д.Н. Невский, бывший директор 1-го Сибирского средне-политехнического училища в Томске [Там же. Л. 64 об.]. На Дальний Восток его принесла беженская волна. Большой потерей для реального училища стала смерть преподавателя П.М. Балуева. Он умер 27 августа 1920 г. от брюшного тифа. На Педагогическом совете было решено увековечить память педагога, создав стипендию его имени [Там же. Д. 8. Л. 4].

Несмотря на тяжелейшие условия существования, училище было переполнено: в октябре 1919 г. в нём обучался 471 ученик. Пополнение шло в основном за счёт беженцев, воспитанников средних учебных заведений Урала, Сибири и Дальнего Востока. В декабре 1920 г. в училище было 489 учеников [Там же. Д. 8. Л. 63 об.]. Педагогическому совету приходилось постоянно отказывать желающим учиться из-за переполнения всех классов (здание было рассчитано на 350 учеников). Принятые ученики часто отставали в учёбе. Например, осенью 1920 г. в 7-ом классе было много неуспевающих учеников, «...особенно поступивших из Николаевска-на-Амуре, Хабаровска и вернувшихся с военной службы» [Там же. Л. 37].

Сохранились воспоминания Валентина Петровича Цоя, который поступил учиться в первый класс реального училища осенью 1919 г. «Первый класс разместили в зале, который одновременно был церковью училища. Алтарь церкви отгородили от большого зала разборной стеной. В этой церкви ежегодно, кроме нас, реалистов, говела вся Коричневая женская гимназия. В каждый понедельник утром до начала занятий всё училище собиралось в церкви. В первом ряду стояли ученики первых классов, сзади — вторые классы и т.д. Всем училищем исполнялось песнопение

2—3 молитв, затем все расходились по классам. В учёбе особых дарований я не проявлял, а потому нередко случались «уведомления для вручения родителям» [10, с. 98].

М.И. Знаменский в ноябре 1920 г. попытался организовать для беднейших учеников завтраки, «...хотя бы давать чай с хлебом, иначе ученики приходят в училище без завтрака и остаются в училище голодными до 2—3 часов» [УГА. Л. 36]. Неизвестно, удалось ли реализовать это благое предложение.

13 ноября 1920 г. состоялось экстренное заседание педагогического совета, посвящённое тяжелейшему материальному положению педагогов. В это время в крае вводится золотое денежное обращение. Преподаватель С.И. Шиляев, семейный человек, отдал октябрьское жалованье за съёмную квартиру и отопление, жить было не на что. А.В. Орлов, получив 41 руб. золотом, заплатил за квартиру и стол 45 руб. Он был холостым человеком и недоумевал, как семейные люди могут жить на такую зарплату. Нищенское жалованье заставляло преподавателей искать уроки в других учебных заведениях, «переутомляться, лишь бы не влачить полуголодное существование». Например, С.И. Шиляев в пятницу после занятий отправлялся за город, в сельскохозяйственную школу, где проводил в субботу занятия. Учащиеся реального училища платили за полугодие 25 руб. золотом. Было решено 20 руб. вносить в специальные средства, 5 руб. — на добавочное жалованье преподавателям. Часть средств шла, в частности, на отопление [Там же. Л. 37 об. — 38 об.].

В декабре 1920 г. в г. Никольск-Уссурийский начали входить каппелевские войска. К руководству училища обратилась Комиссия по их распределению в городе с просьбой предоставить войскам помещение на рождественских каникулах. Педагогический совет вынужден был согласиться, и весь январь 1921 г. в здании училища находились военные. После их ухода пришлось произвести дезинфекцию, уборку и побелку части помещений [Там же. Л. 72].

Приход каппелевских войск в Приморье вызвал новое пополнение учащихся. В январе 1921 г. в педагогический совет поступили заявления о приёме в 6-й класс от бывших солдат армии Каппеля: Швецова из 7-го класса Воткинской мужской гимназии, Антонова — 7-го класса Барнаульского реального училища, Налетова — 7-го класса Верхнеудинского реального училища и Болотова из 6-го класса Симбирского реального училища [Там же. Л. 75—75 об.].

В январе 1921 г. правительство отказывается от содержания личного состава и отпуска средств на хозяйственные нужды Никольск-Уссурийского реального училища. Расход на содержание составлял в год 20 000 руб. золотом, плату за обучение решено было поднять до 50 руб. золотом [Там же. Л. 79 об.]. Училище едва сводило концы с концами, получая большую помощь от городских властей.

В сентябре 1921 г. полностью прекращается финансирование училища со стороны городских властей. Остаётся единственный источник существования — плата за обучение, однако этих средств было слишком

мало. Материальное положение преподавателей стало «...катастрофическим ввиду наступающего голода среди учителей, вследствие неполучения жалованья от казны» [Там же. Л. 24]. Учебный отдел городской управы лишь иногда выплачивал преподавателям жалованье. Например, в июне 1922 г. выдали зарплату учителям за январь [8]. В этот период многие никольские средние учебные заведения были на грани закрытия. В коммерческом училище не смогли в сентябре 1921 г. организовать занятия, в результате этого в реальное училище влилось 25 воспитанников из коммерческого [УГА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 27 об. — 32]. В реальном занятии продолжались благодаря самоотверженному труду преподавателей, а также помощи родителей учеников. В предпоследний учебный год сюда были приняты преподавателями В.С. Лебедев, Ф.П. Захаров, К.В. Ковальский и С.П. Пурмаль — первые его выпускники, имевшие высшее или неоконченное высшее образование.

1922 год для реального училища был последним его существования. Находящееся у власти Приамурское правительство не оказывало материальной поддержки учебным заведениям. 30 января 1922 г. в училище поступил циркуляр о преподавании Закона Божьего. Этот предмет был признан «...как главный из учебного курса, обязательный для преподавания во всех учебных заведениях» [Там же. Л. 64].

Впервые за годы Гражданской войны выпуск 7-го класса прошёл по плану — к 1 июня 47 чел. получили свидетельства об окончании Никольск-Уссурийского реального училища [Там же. Л. 79]. Это был последний досоветский выпуск реалистов. Летом 1922 г. из училища уходит преподаватель математики И.М. Зверев и уезжает в Харбин. Не дожидаясь прихода новой власти, 18 сентября 1922 г. преподаватель рисования П.В. Николин берёт трёхмесячный отпуск и тоже отправляется в Харбин [Там же. Л. 126]. Как оказалось, навсегда.

В тревожную осень 1922 г. педагогический совет озабочен нехваткой средств, которая носила хронический характер. 4 сентября на совете принято решение увеличить плату за обучение с 55 до 120 руб. золотом, поскольку это являлось единственным источником содержания личного состава и помещения училища. Из казны содержание поступало «неаккуратно и не полностью», но, «в случае, если правительство примет на себя часть расходов, увеличить плату до 60 руб.» [Там же. Л. 116].

Впервые за пять лет (с 1917 г.) в училище обратили внимание на внешний вид воспитанников. Было решено ввести единообразие в одежде учащихся: блуза, тужурка и брюки тёмного цвета и однообразный головной убор — зимой шапка-папах чёрного цвета, летом — фуражка «...обычного для средних учебных заведений цвета и образца». На головном уборе — установленный знак «Н.У.Р.У» [Там же. Л. 122 об. — 123].

В октябре реальное училище накрыла последняя волна мобилизации эпохи Гражданской войны: Верховный правитель Приморья М.К. Дитерихс объявил о мобилизации в Земскую Рать. Для Никольска-Уссурийского была установлена норма в 700 чел. [9]. На военную службу отправились преподаватели А.В. Орлов, Л.С. Зерцалов и А.Н. Ралль. 28 октября

1922 г. педагогический совет принял решение «...считать их в безвестном отсутствии, из училища выбывшими». На место мобилизованных учителей пригласили А.А. Ни и В.М. Цоя, которым поручили вести уроки математики в 1—2-х классах [Там же. Л. 129 об., 133]. Несмотря на грядущие перемены, педагоги пытались сохранять спокойствие: «Течение школьной жизни до получения соответствующих инструкций сохранить без изменения, обратив ввиду переходного времени особенное внимание на поведение и дисциплину учащихся» [Там же. Л. 130].

Осенью 1922 г. Валентин Цой пошёл учиться в четвёртый класс. «Здесь было всё по-прежнему. Директором училища остался всеми любимый Михаил Иванович Знаменский. Однако отдельные преподаватели-мужчины приходили на уроки в военной форме с офицерскими погонами. Чаще стали проходить через город воинские соединения, которые направлялись на фронт. Говорили, что бои проходят совсем близко от нашего города. Через несколько дней те же войска шли в обратном направлении. Двигались они с большой поспешностью и не останавливались на отдых. В октябре в течение нескольких дней круглосуточно была слышна артиллерийская канонада. В конце месяца я, как обычно, утром направился в училище и когда вышел на Барановскую улицу, то увидел над зданием городской управы длинный красный флаг — остаток от трёхцветного флага Российской империи. Людской поток направился к центру города, и я присоединился к нему. Когда пришёл на центральную улицу, то увидел трибуну с людьми в кожаных костюмах, а мимо проходили войска. Я понял, что в наш город вошли войска Народной революционной армии, установилась новая советская власть. Народ встречал победителей с большим восторгом. Трудно описать, что творилось на улицах и площадях. Большая часть войск прошла через город без остановки в сторону Владивостока. Части, которые остались в Никольске-Уссурийском, разместились на отдых прямо на площади. В их среде оказалось немало жителей города.

Через пару дней возобновились занятия в училищах. Преподаватели-офицеры уехали из города, а также 4 ученика из нашего класса, которых мы знали как детей местных буржуев. Нам объявили, что после зимних каникул будет другая школа» [10, с. 101].

Наступление перемен в училище началось 27 октября с распоряжения властей об отмене утренней молитвы. Закон Божий в течение 1917—1922 гг. несколько раз отменяли, вновь вводили, урезали часы на его изучение. 27 октября 1922 г. он навсегда уходит из советской дальневосточной школы. 11 ноября в реальное училище поступило распоряжение из местного Совета о приобретении портретов Ленина и Троцкого. Педагогический совет принимает решение воздержаться от этого, «дабы самочинным выступлением без прямого на того указания непосредственного высшего начальства не дать повода обществу и учащимся к неправильному истолкованию и освещению факта, именно в смысле только лишь удачного, выгодного для педагогического персонала хода с целью демонстрирования своего настроения и отношения к новой власти». Несмотря на тяжёловесность фразы, смысл её ясен и прост — в училище не то-

ропились «демонстрировать» лояльность новой власти. Пятилетний опыт выживания в Гражданской войне с бесконечной сменой власти приучил педагогов к осторожности в изъяснении верноподданнических чувств.

Реальное училище царского образца уходило в прошлое. Но предстояло выстоять ещё ноябрь и декабрь, поскольку реформирование дальневосточной школы предполагалось совершить с 1 января 1923 г. Педагогический коллектив в большинстве своём остался в училище и продолжил работу в тяжелейших условиях. Многие родители перестали платить за обучение своих детей, рассчитывая на грядущую реформу, особенно было много «неплательщиков деревенских». Училище не имело средств, и школьное здание было бы заморожено, однако городское самоуправление отпустило 1600 пудов угля в счёт сметы будущего года [УГА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 138].

С 1 января 1923 г. реальное училище преобразовали в школу II ступени № 1. Директором школы был назначен С.И. Исполатов [4, с. 237]. М.И. Знаменский согласно постановлению губернского отдела народного образования от 4 января 1923 г. был назначен заведующим-организатором школы № 3 II ступени (бывшая 2-я женская гимназия). Преподаватели бывшего реального училища не прошли кадровой чистки и к лету 1923 г. были уволены «без объяснения причин» [Архив Управления образования г. Уссурийска. Ф. 130. Оп. 4. Д. 6. Л. 118].

Училище выстояло в невероятно сложных условиях Гражданской войны и интервенции, но после установления советской власти в Приморье оказалось реликтом старой эпохи. В советской России уже пять лет не было гимназий, реальных училищ, семинарий и прочих типов дореволюционной школы. На смену приходила единая трудовая школа с совершенно иной постановкой всей учебно-воспитательной жизни.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. АРАН (Арх. Рос. акад. наук). Ф. 277. Оп. 4. Д. 741. Л. 10 // RAS.RU: портал Рос. акад. наук. URL: www.ras.ru/KArchive/pageimages/277%5c4_0741/010.jpg (дата обращения: 16.01.2011).
2. Архив Управления образования г. Уссурийска.
3. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и Гражданской войны // История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Владивосток, 2003; Берёзкина Н.И. Это нашей истории строки. Владивосток, 1999; Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20—30-х годов XX в.: очерки истории. Владивосток, 2001; Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России (XVIII в. — 30-е годы XX в.). Барнаул, 2001.
4. Вестник Приморского ГУБОУО. Владивосток, 1923. № 3.
5. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
6. УГА (Уссурийский городской архив).
7. Уссурийский край. Никольск-Уссурийский, 1917.
8. Уссурийский край. Никольск-Уссурийский, 1922. 18 июня.
9. Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские силы России в период Гражданской войны (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2006.
10. Цой В.П. Воспоминания // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: материалы науч. конф. Уссурийск, 2011. Вып. 1.